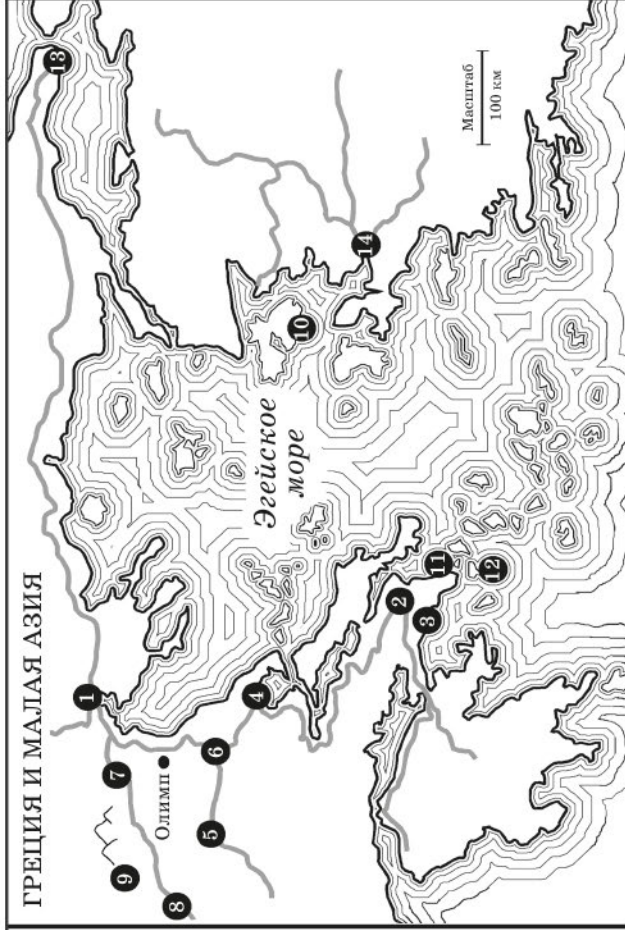

Это история о Салониках, втором после столицы греческом городе. В 1917 году его население составляли в равных пропорциях христиане, мусульмане и иудеи. Через тридцать лет остались одни христиане.

«Нить любви» — это история о двух людях, переживших самый беспокойный период в истории города, когда он был разрушен и изуродован почти до неузнаваемости целой чередой политических и гуманитарных катастроф.

Все персонажи, а также многие улицы и адреса, где они обитают, исключительно вымышленные, однако все исторические события происходили в реальности. Последствия их Греция переживает до сих пор.

ГРЕЦИЯ И МАЛАЯ АЗИЯ

1. Салоники
2. Афины
3. Пирей
4. Волос
5. Трикала
6. Лариса
7. Верия
8. Янина
9. горы Граммос
10. Митилини
11. Макронисос
12. Йиарос
13. Константинополь
(Стамбул)
14. Смирна (Измир)

САЛОНИКИ

1. Улица Ирини
2. Улица Филиппу
3. Улица Сократус
4. Торговый зал Комниноса
5. Синагога
6. Дом Комниноса
7. Склад Комниноса

— Вот о чем я тебя попрошу, милая моя: представь, что ты вернулась в детство. Надеюсь, это будет нетрудно, тут главное — правильно уловить стиль. Вышей мне такую картинку, чтобы при взгляде на нее сразу приходило на ум слово «утро» — ну, знаешь, что-нибудь в таком роде — восходящее солнце и птицу, или, там, бабочку, или еще что-нибудь крылатое на фоне неба. А потом еще одну — «ночь».

— С луной и звездами?

— Да! Вот именно. Только не так, будто из какой-нибудь криворукая девочка вышивала, — добавила она с улыбкой. — Мне же их как-никак на стены вешать!

Катерине уже случалось делать почти такие же картинки много лет назад, когда мама учила ее вышиванию, и это время сразу же вспомнилось с необычайной живостью.

Ее «утро» было вышито крупными петельными стежками, блестящей желтой ниткой, а «ночь» стала темно-синей, как ночное небо. Катерину радовала эта простая работа, и она с улыбкой глядела на то, что получилось. Никто ничего не заподозрит — такое можно увидеть на стене в любом греческом доме. Даже если выдерут ткань из рамы — драгоценные страницы будут скрыты за ситцевой подкладкой. Многие так делают, чтобы прикрыть путаницу ниток с изнаночной стороны.

В этом маленьком домике собралась целая дюжина людей, однако в нем царил необычайная тишина. Все были предельно сосредоточены, тайная работа не терпела отлагательства. Они спасали свое сокровище, то, что связывало их с собственным прошлым.

Пролог

Май 2007 года

Было половина восьмого утра. Только в этот час в городе бывало так тихо и спокойно. Над бухтой висел серебристый туман, а под ним вода, темная, как ртуть, неслышно накатывала на мол. Небо было совсем бесцветное, воздух крепко просолен. Для кого-то еще тянулась ночь, а для кого-то уже начался новый день. Обтрепанные студенты допивали последний кофе с сигаретой рядом с аккуратно одетыми пожилыми парами, вышедшими на привычный утренний променад.

По мере того как поднимался туман, Олимп все яснее проступал вдали, за заливом Термаикос, и безмятежная синева моря и неба сбрасывала с себя белесый саван. Бездействующие танкеры стояли невдалеке от берега, словно греющиеся на солнце акулы, их темные силуэты четко вырисовывались на фоне неба. Пара небольших суденышек уходила к горизонту.

На мраморной набережной, идущей вдоль всей гигантской дуги залива, никогда не иссякал поток дам с комнатными собачками, молодых людей с дворняжками, бегунов трусцой, роллеров, велосипедистов и молодых мам с колясками. Между морем, эспланадой и выстроившимися в ряд кафе черепашью шагом тащились автомобили, направляющиеся в город, и водители, невидимые за тонированными стеклами, беззвучно напевали слова последних хитов.

Неспешным, но твердым, легким шагом после долгой ночи с танцами и выпивкой у самой кромки воды шел тоненький юноша с шелковистыми волосами,

в шикарно потрепанных джинсах. Его загорелое лицо заросло двухдневной щетиной, но шоколадного цвета глаза были ясными, мальчишескими. У него была расслабленная походка человека, довольного собой и миром, и он тихонько мурлыкал что-то себе под нос.

На другой стороне улицы, по узенькой полоске между маленьким столиком и бордюром, медленно двигалась пожилая пара, направляясь к своему излюбленному кафе. Мужчина ступал осторожно, тяжело опираясь на палку. Лет им было, вероятно, уже за девяносто, ростом оба не выше пяти футов четырех дюймов, одеты аккуратно: он в тщательно отглаженной рубашке с коротким рукавом и светлых брюках, она — в простом ситцевом платье в цветочек, на пуговицах, с пояском на талии — такой фасон был в моде, пожалуй, лет пятьдесят назад.

Все стулья в кафе, выстроившиеся вдоль пешеходной части на улице Ники, стояли лицом к морю, чтобы посетители могли любоваться постоянно сменяющимися картинами — людьми, автомобилями и кораблями, бесшумно скользящими то к верфи, то от нее.

Владелец кафе «Ассос» радушно встретил Димитрия и Катерину Комнинос, и они обменялись парой слов по поводу объявленной всеобщей забастовки. Поскольку у огромного процента рабочего населения сегодня фактически выходной, в кафе будет больше посетителей, так что владельцу не на что было пожаловаться. К акциям протеста здесь все уже привыкли.

Делать заказ не было нужды. Кофе они всегда брали один и тот же и потягивали подслащенный непрозрачный напиток с треугольными катаифи — сладкими булочками.

Старик погрузился в свою ежедневную газету, но тут жена торопливо похлопала его по руке:

- Гляди, гляди, любовь моя! Это же Димитрий!
- Да где же, милая?
- Митсос! Митсос! — закричала старушка.

Этим уменьшительным именем она называла обоих: и мужа, и внука. Но юноша не слышал ее за гудками и ревущими моторами нетерпеливых автомобилей, рванувшихся на зеленый свет.

Тут Митсос поднял взгляд, вынырнув из задумчивости, и заметил, как бабушка отчаянно машет ему рукой с другой стороны улицы. Он проскочил между движущимися машинами и подбежал к ней.

— Бабушка! — воскликнул юноша, обнимая бабушку, а потом взял ее за руку и поцеловал в лоб. — Как поживаешь? Какой приятный сюрприз... А я как раз собирался к вам сегодня зайти!

Лицо старушки расплылось в широкой улыбке. Они с мужем души не чаяли в единственном внуке, и он просто купался в их любви.

— Давай и тебе что-нибудь закажем! — оживленно проговорила бабушка.

— Нет, не надо, правда. Я сыт. Мне ничего не нужно.

— Ну хоть что-нибудь — кофе, мороженое...

— Катерина, мороженого-то он уж точно не хочет! Снова появился официант.

— Мне только стакан воды, пожалуйста.

— И все? Ты уверен? — суетилась бабушка. — А позавтракать?

Официант уже отошел. Старик наклонился и тронул внука за руку.

— Что, сегодня лекций, наверное, опять не будет? — спросил он.

— Нет, к сожалению, — ответил Митсос. — Я уже привык.

Молодой человек этот год учился в Университете Салоники, готовился получить диплом магистра гуманитарных наук, но сегодня преподаватели бастовали, так же как и все остальные государственные служащие в стране, и у Митсоса получился вроде как выходной. Теперь, после долгой ночи в барах на Проксену Коромила, он направлялся домой, спать.

Митсос вырос в Лондоне, но каждое лето приезжал к родителям отца в Грецию и каждую субботу с пятилетнего возраста посещал греческую школу. Учебный год в университете уже подходил к концу, и хотя немало лекций пришлось пропустить из-за забастовок, юноша уже совершенно свободно овладел, как он сам говорил, «наполовину родным» языком.

Несмотря на все настойчивые приглашения бабушки с дедушкой, Митсос поселился в студенческом общежитии, однако в выходные регулярно приходил в их дом у самого моря, где на него изливали почти чрезмерные потоки горячей любви и нежности — неизменный долг греческих бабушек и дедушек.

— В этом году акций протеста больше, чем когда-либо, — сказал дедушка. — Но что же делать, Митсос, приходится терпеть. И надеяться, что все уладится.

Мусорщики тоже бастовали вместе с учителями и врачами, и городской транспорт, как обычно, тоже стоял. Ямы на дорогах и трещины на тротуарах уже много месяцев не заделывали. Жизнь и в лучшие времена не баловала стариков, и Митсос, глядя на бабушкину руку, покрытую шрамами, и на дедушкины скрюченные артритом пальцы, вдруг увидел, какие они оба хрупкие и слабые.

Тут его внимание привлек человек, который приближался к ним по тротуару, постукивая перед собой белой тростью. Его путь представлял собой настоящую полосу препятствий: машины, в нарушение правил припаркованные на тротуаре, неровные края дороги, разбросанные тут и там столбы и столики кафе, — и все это нужно было обходить. Митсос вскочил, увидев, что молодой человек остановился в нерешительности, растерявшись перед рекламным щитом кафе, торчавшим в самом центре тротуара.

— Позвольте, я помогу. Куда вам нужно?

Он взглянул в лицо незнакомца, юное, даже моложе, чем у него самого, с почти прозрачными невидящими глазами. Кожа у юноши была бледная, а через

один глаз шел зигзагообразный, неумело зашитый шрам.

Слепой улыбнулся Митсосу:

— Ничего страшного. Я здесь каждый день хожу. Но каждый день что-нибудь да меняется...

Машины проносились мимо по короткому отрезку дороги к следующему светофору, и слова Митсоса почти тонули в их шуме.

— Ну позвольте, я хоть через дорогу вас переведу.

Он взял слепого под руку, и они вместе перешли на другую сторону, хотя Митсос чувствовал, как уверенно и решительно тот держится, и почти стеснялся, что вызвался помочь.

Они ступили на тротуар на противоположной стороне улицы, и Митсос выпустил руку молодого человека. Теперь тот словно смотрел ему прямо в глаза.

— Спасибо.

Митсос увидел, что на этой стороне дороги слепого подстерегает новая опасность. Совсем рядом был обрыв прямо в море.

— Вы ведь знаете, что тут уже море?

— Конечно знаю. Я здесь гуляю каждый день.

Прохожие, кажется, были погружены в собственные миры или поглощены музыкой, гремевшей для них одних, и просто не видели, что с этим человеком что-то не так. Несколько раз его белую палку замечали лишь за долю секунды до столкновения.

— Может быть, безопаснее было бы гулять где-нибудь еще, где народу поменьше? — спросил Митсос.

— Безопаснее-то безопаснее, но там же не будет вот этого всего... — ответил молодой человек. Он махнул рукой, указывая в сторону моря и изогнутой бухты, протянувшейся перед ними довольно правильным полукругом, а затем показал прямо перед собой, на горы в снежных шапках, высившиеся в ста километрах от них, на той стороне. — Олимп. Море — все время разное. Танкеры. Рыболовецкие суда. Уверен, вы

думаете, что я все равно ничего этого не вижу, но ведь когда-то видел. Я знаю, что это все есть, и до сих пор все вижу в воображении, и всегда буду видеть. И, кроме того, на что вы смотрите, есть ведь и кое-что еще, не правда ли? Вот закройте глаза.

Молодой человек взял Митсосу за руку. Митсос удивился, какие у него гладкие, прохладные, будто мрамор, тонкие пальцы, и порадовался этому ободряющему прикосновению, напоминанию, что он не один. Он понял, каково было бы стоять здесь в темноте, одинокому и незащищенному на людной набережной.

И в то же мгновение, когда его мир погрузился в черноту, Митсос ощутил, как обострились все чувства. Громкие звуки превратились в настоящий рев, а от солнца, припекающего голову, стало так горячо, что он едва не потерял сознание.

— Поймите так, — предложил слепой, и Митсос почувствовал, как его рука на миг разжалась. — Еще хоть несколько минут.

— Конечно, — ответил Митсос, — это поразительно, как остро все ощущается. Я как раз пытаюсь к этому привыкнуть. В этой толпе чувствуешь себя таким незащищенным.

По тону ответа Митсос догадался, что молодой человек улыбается.

— Еще чуть-чуть. Тогда вы почувствуете еще много чего...

Он был прав.

Крепкий запах моря, влажность воздуха на коже, ритмичные удары волн о мол — все ощущалось сильнее.

— И вы же понимаете, что каждый день здесь все другое? Каждый... новый... день. Летом воздух такой неподвижный, а вода такая гладкая, как масло, и я знаю, что горы скрываются в тумане. От этих вот камней поднимается жар, и я его чувствую сквозь подошвы ботинок.

Они оба стояли лицом к морю. Это утро нельзя было назвать типичным для Салоники. Как и сказал молодой человек, ни один день тут не был похож на другой, но одно оставалось неизменным в широкой панораме, открывавшейся перед ними: в ней ощущались одновременно и история, и вечность.

— Я чувствую людей вокруг. Не только тех, кто сейчас рядом, как вы, но и других. У этого города богатейшее прошлое, он битком набит жителями, и они так же реальны, как и вы. Я вижу их не менее и не более ясно. Вы меня понимаете?

— Да, понимаю. Конечно понимаю.

Митсосу не хотелось уходить, не хотелось поворачиваться к молодому человеку спиной, пусть он этого и не увидит. Проведя с ним пару минут, он ощутил, как ожили в нем все чувства. На лекциях по философии он усвоил, что видимое не обязательно более реально, чем невидимое, однако на собственном опыте прочувствовал впервые.

— Меня зовут Павлос, — представился слепой.

— А меня Димитрий... или Митсос.

— Как же я люблю этот город, — сказал Павлос. — Наверное, есть места, где слепому жилось бы легче, но я бы никуда отсюда не уехал.

— Нет, я вижу... то есть понимаю, что вы имеете в виду. Это очень краси... то есть удивительный город. — Митсос поспешно поправлялся, злясь на себя за невольную бестактность. — Знаете... мне пора вернуться к бабушке с дедушкой, но было очень приятно с вами познакомиться.

— Мне тоже очень приятно. И спасибо, что смогли перейти через дорогу.

Павлос повернулся и пошел дальше, быстро постукивая перед собой гибкой белой тросточкой. Митсос еще немного постоял, глядя ему вслед. Он был практически уверен, что Павлос чувствует спиной тепло его взгляда. Во всяком случае, надеялся на это и подав-

лял желание броситься за ним, пройти вместе по берегу и продолжить разговор. Может быть, в следующий раз...

«Как же я люблю этот город», — словно эхом звучало вокруг.

Митсос вернулся за столик, явно под впечатлением от этой встречи.

— Ты молодец, что помог ему, — сказал дедушка. — Мы его часто здесь видим, когда ходим гулять. Несколько раз его чуть не сбили — люди и не смотрят даже.

— Все в порядке, Митсос? — спросила бабушка. — Ты что-то все молчишь.

— Все нормально. Я просто думал о том, что он сказал... — отозвался Митсос. — Он так любит этот город, хотя ему здесь, должно быть, очень нелегко приходится.

— Это мы можем понять, правда, Катерина? — ответил дедушка. — Выбоины на тротуарах и для нас не подарок, и никто, по-моему, не собирается ничего с этим делать, несмотря на все предвыборные обещания.

— Так почему вы не уедете? — спросил Митсос. — Вы же знаете, мама с папой очень хотели бы, чтобы вы переехали в Лондон. Там бы вам гораздо легче жилось.

Стариков то и дело звали к себе и сын, живший в зеленом Хайгейте, и дочь, которая жила в Штатах, в фешенебельном пригороде Бостона, но что-то мешало им выбрать более комфортную жизнь. Митсос часто слышал, как родители обсуждали это между собой.

Катерина бросила быстрый взгляд на мужа:

— Даже если бы нам дали столько бриллиантов, сколько капель в океане, ничто не заставило бы нас уехать! — Она наклонилась ближе к внуку и твердо взяла его за руку. — Мы останемся в Салониках до самой смерти!

То, с какой страстностью были сказаны эти слова, совершенно поразило юношу. На миг бабушкины глаза заблестели, а затем наполнились слезами, но не теми старческими слезами, что часто наворачиваются на глаза без видимой причины. По ее щекам катились слезы гнева.

Некоторое время они сидели молча, а Митсос так просто замер, чувствуя только, как крепко сжато его запястье. Он лишь взглянул бабушке в глаза, надеясь услышать какое-то объяснение. Никогда бы не подумал, что она способна на подобную вспышку, всегда видел в ней только добрую старушку с мягким характером. Как и большинство гречанок ее возраста, бабушка обычно предоставляла первое слово мужу.

Наконец дедушка нарушил молчание:

— Мы сами предложили нашим детям поехать учиться за границу. В то время это было разумным решением, но мы-то думали, что они вернуться. А они остались там навсегда.

— Я не представлял... — начал Митсос, сжимая бабушкину руку, — не представлял себе, что это значит для вас. Папа только однажды говорил о том, почему вы отправили его с тетей Ольгой за границу, но в подробности не вдавался. Это как-то связано с гражданской войной?

— Да, отчасти, — ответил дедушка. — Пожалуй, пора рассказать больше. Если интересно, само собой...

— Конечно интересно! — воскликнул Митсос. — Всю жизнь я почти ничего не знал о прошлом отца, и никто мне не рассказывал. Теперь-то я уже, наверное, достаточно взрослый для этого?

Бабушка с дедушкой переглянулись.

— Как думаешь, Катерина? — спросил дедушка.

— Думаю, он мог бы помочь нам донести овощи до дома, чтобы я могла приготовить на обед его любимую гемисту, — с улыбкой отозвалась бабушка. — Что скажешь, Митсос?